

ПРИНЦИПЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

*Бондаренко Н.Л., кандидат
юридических наук, доцент
кафедры гражданского
и государственного права*

Резюме. В статье исследуется понятие и содержание принципов исполнения договорных обязательств. Путем анализа гражданского законодательства, а также аналитического сопоставления различных точек зрения, существующих в науке гражданского права, автор пришел к выводу, что в современном гражданском законодательстве можно выделить три основных принципа исполнения договорных обязательств: 1) принцип надлежащего исполнения, 2) принцип стабильности договоров, а также 3) принцип сотрудничества сторон.

Summary. The article investigates the concept and content of the principles of fulfilling contract obligations. By analyzing civil legislation as well as by analytical comparison of different viewpoints in the field of civil law the conclusion has been made that in current civil legislation it is possible to single out 3 basic principles of fulfilling contract obligations, such as:

- 1) principle of due fulfillment
- 2) principle of contract stability
- principle of parties cooperation

Изучение принципов исполнения договорных обязательств неразрывно связано с анализом самого понятия «принцип». В связи с этим методологически оправданно начать с формулировки самого понятия, от которого мы будем отталкиваться при отнесении тех или иных требований законодательства к разряду принципов.

В науке гражданского права приводится множество определений понятия «принципы права». Для целей нашей статьи полагаем целесообразным использовать понятие, которое было предложено О.А. Красавчиковым: «под правовым принципом понимается определенное начало, руководящая идея, в соответствии с которой осуществляется правовое регулирование общественных отношений» [1, с. 27].

Используя взятое нами за основу определение принципов права как своеобразный трафарет, попытаемся проанализировать действующее законодательство на предмет выявления в нем положений, которые могут быть названы в числе принципов исполнения договорных обязательств. Поскольку «одно дело назвать то или иное положение принципом, а другое – доказать, что оно таким является» [2, с. 131].

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) закрепляет общий принцип исполнения обязательств – **принцип надлежащего исполнения** (ст. 290 ГК) [3]. Суть данного принципа состоит в том, что обязательства должны исполняться в соответствии с условиями обязательства и требованиями законодательства (надлежащим должником, надлежащему кредитору, в отношении надлежащего предмета, в надлежащий срок, в надлежащем месте и надлежащим способом), а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями.

Однако точка зрения о самостоятельности принципа надлежащего исполнения обязательств разделяется не всеми. Так, В.С. Толстой полагал, что надлежащее исполнение обязательства – это частный случай общего понятия принципа законности, который означает необходимость соблюдения не только требований, предъявляемых законом в собственном смысле этого слова, но и исполнение подзаконных актов, не противоречащих закону. Законность, толкуемая таким образом, вполне применима к понятию исполнения обязательств, то есть получается, что принцип законности и так называемый принцип надлежащего исполнения

представляют собой одну и ту же связь между субъектом и возложенными на него обязанностями. Следовательно, самостоятельно-го принципа надлежащего исполнения обязательств не существует. Надлежащее исполнение обязательств – это лишь проявление общеправового принципа законности [4, с. 45]. С этой точкой зрения частично можно согласиться. Однако тот факт, что принцип надлежащего исполнения обязательств охватывается принципом законности не умаляет его самостоятельной роли как принципа договорного права.

Наиболее острые дискуссии в науке гражданского права развернуты по поводу отнесения к числу принципов реального исполнения обязательств. Дискуссии ведутся в среде цивилистов не только о содержании указанного принципа, но и о возможности самого факта его существования в условиях рыночной экономики, а также о соотношении принципов надлежащего и реального исполнения обязательств. Под реальным исполнением в действующей гражданско-правовой доктрине понимается исполнение обязательства в натуре, т.е. совершение должником именно тех действий (или воздержания от определенных действий), которые предусмотрены содержанием обязательства с недопустимостью (по общему правилу) замены предусмотренного обязательством исполнения денежной компенсацией (возмещением убытков).

Начнем с проблемы соотношения принципов надлежащего и реального исполнения обязательств. Мнения по данному вопросу условно можно разделить на три группы. Одни ученые полагают, что реальное исполнение – следует рассматривать как частное требование, входящее в содержание принципа надлежащего исполнения обязательств. Другие отстаивают точку зрения о том, что реальное исполнение обязательств поглощает надлежащее исполнение. Представители третьей группы цивилистов склонны полагать, что «на самом деле оба названных принципа самостоятельны. Они не соподчиняются» [5, с. 409].

Видный российский цивилист А.В. Венедиктов, полагал, что надлежащее исполнение – часть реального исполнения. «Реальное исполнение договорных обязательств охватывает надлежащее выполнение всех количественных и качественных показателей: не только своевременную сдачу всего количества

предусмотренной договором продукции, но и сдачу ее в установленном ассортименте, в соответствии с утвержденными стандартами и техническими условиями (в комплектном виде, а также своевременное восполнение недостатков в отдельных партиях, немедленное исправление допущенных недостатков или замену недоброкачественной продукции продукцией надлежащего качества и т.д.)» [6, с. 164].

Совершенно иную научную позицию занял Н.И. Краснов, считавший что надлежащее исполнение является понятием более общим, а реальное исполнение – одно из частных требований, входящих в его содержание. Ученый полагал, что «реальное и надлежащее исполнение – это разноплоскостные явления. В первом выражена сущность исполнения как совершения определенного действия, а во втором – качественная характеристика действия (или воздержания от действия)». [7, с. 16].

Особую позицию по данному вопросу занял О.С. Иоффе, по мнению которого принцип реального исполнения является всеобщим: «на стадии нормального развития обязательства оно предполагает надлежащее исполнение, а после допущенной должником неисправности – исполнение в натуре» [8, с.65].

Некоторые авторы вообще отрицают существование принципа реального исполнения. Указывается, что «реальное исполнение существует в рамках теории гражданского права. Ни один действующий нормативно правовой акт не только не дает определения, но и вообще не использует его для обозначения обязанности должника исполнить свое обязательство несмотря на допущенное нарушение. Для этого законодателем используется понятие «исполнение обязательства в натуре». [9, с.27]. Против этого утверждения сложно найти контраргументы.

В рамках проводимого нами небольшого исследования необходимо дать ответы на вопросы о том, есть ли основания утверждать, что принцип реального исполнения обязательств является только изобретением советского гражданского права и может ли он иметь место в условиях рыночной экономики.

Знакомство с трудами русских юристов Г.Ф. Шершеневича и К.П. Победоносцева позволяет сделать вывод, что правило о реальном исполнении обязательств было известно и дореволюционному российскому пра-

ву. «Должник, – отмечал Г.Ф. Шершеневич, – обязан исполнить именно то действие, которое имелось в виду при установлении обязательства. Без согласия верителя (кредитора. – Н.Б.) должник не имеет права предлагать исполнение другого, хотя бы оно представляло и большую имущественную ценность. Если веритель имеет право получить известную сумму денег, то должник не может предлагать взамен не только товары, но даже векселя или чеки. Наоборот, если веритель имеет право требовать каких-либо услуг или передачи вещи, должник не может предлагать ему деньги. Последний может только вовсе отказаться от исполнения, и тогда он присуждается к платежу денежной суммы, равной по ценности всему потерянному интересу. Исполнение всякого другого действия, кроме условленного, создает отношение как бы неисполнения обязательства и не лишает верителя его права требования». И затем несколько далее: «Замена одного действия другим при исполнении возможна только при изъявленном согласии на то со стороны верителя...» [10, с. 281–282].

Из приведенного нами фрагмента можно сделать 2 вывода:

– во-первых, должник мог отказаться от реального исполнения, отказавшись от исполнения всего обязательства;

– во-вторых, закон не видел препятствий к тому, чтобы стороны достигли соглашения о замене одного действия другим.

Следовательно, в русском гражданском праве реальное исполнение рассматривалось не как принцип, а только лишь как правило гражданского и торгового оборота, от которого при определенных обстоятельствах можно было отступить.

Принцип реального исполнения обязательства являлся господствующим в советском гражданском праве. В последнем под надлежащим исполнением гражданско-правового обязательства понималось «совершение должником действия в полном соответствии с требованиями закона, акта планирования и условиями договора, определяющими содержание соответствующего обязательства» [1, с. 473]. В условиях жесткого централизованного планирования, при отказе должника от реального исполнения вся производственная деятельность кредитора могла оказаться под угрозой. Денежная компенсация убытков не гарантировала кредитору возможности приобрести нужные ему

товары (заказать работы или услуги), поскольку в условиях социалистической системы хозяйствования хозяйственные связи устанавливались не свободно, а по прямым указаниям соответствующих министерств и ведомств. Рынка же, на котором можно было приобрести интересующие товары, попросту не существовало. По справедливому замечанию А.И. Хаснутдинова, «в этот период необходимость реального осуществления обязательства выступала ничем иным, как стремлением государства избежать любых диспропорций в производстве и в распределении совокупного общественного продукта, обеспечить благополучие общества с опорой на внеэкономическое принуждение» [11, с. 214]. Реальное исполнение и договорная дисциплина рассматривались как синонимические конструкции со всеми вытекающими отсюда последствиями несоблюдения. Реальное исполнение твердо занимало позиции не правила, а императивного принципа обязательственного права, что признается всеми цивилистами.

Однако сохраняет ли свое значение принципа реальное исполнение обязательств в условиях рыночной экономики? На наш взгляд, данный принцип несвойственен рыночным отношениям.

В условиях рыночной экономики, основанной на частной собственности и свободе предпринимательства, замена реального исполнения денежным эквивалентом – вполне нормальное явление, особенно – в отношениях между субъектами предпринимательской деятельности. Поэтому в действующем законодательстве Республики Беларусь указанный принцип сохранил свое действие в сильно скорректированном виде.

По общему правилу ст. 367 ГК: уплата неустойки и возмещение убытков в случае ненадлежащего исполнения обязательства не освобождает должника от исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено законодательством или договором (п. 1 ст. 367 ГК). Однако возмещение убытков в случае неисполнения обязательства и уплата неустойки за его неисполнение освобождают должника от исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено законодательством или договором (п. 2 ст. 367 ГК).

Должник также освобождается от исполнения обязательства в натуре, если такое исполнение вследствие допущенной им про-

срочки утратило интерес для кредитора (п. 3 ст. 367 ГК), а также в том случае, когда стороны достигли соглашения об отступном. Кроме того, кредитору неисправного должника закон предоставляет возможность исполнить обязательство в натуре (изготовить вещь, выполнить работу или получить услугу) с помощью третьего лица или даже самому, но за счет своего контрагента (ст. 368 ГК).

Анализируя диспозитивность данных положений законодательства, уместным представляется привести слова Г.А. Свердлыка, который задавался вопросом: «Если законодатель позволяет определенному субъекту в ряде случаев реализовывать имеющиеся у него права тем или иным способом по своему усмотрению, то можно ли указанные возможности называть принципами?» И давал отрицательный ответ [1, с. 131]. В.С. Толстой также отмечал, что «предоставление Гражданским кодексом возможности сторонам в большинстве случаев самим решать вопрос о формах исполнения является основным доводом, доказывающим отсутствие в Гражданском кодексе принципа реального исполнения обязательств» [4, с. 49].

Вряд ли есть основания считать проявлением действия принципа реального исполнения обязательств положения ст. 369 ГК, предоставляющей кредитору право требовать передачи индивидуально-определенной вещи и ст. 951 ГК, предусматривающей обязанность должника по возмещению внедоговорного вреда в натуре. При таких условиях реальное исполнение можно рассматривать лишь как правило, нацеленное на максимальное обеспечение интересов кредитора. Именно поэтому на практике требование о реальном исполнении обязательств используется только по инициативе кредитора и тогда, когда суд сочтет такое средство защиты интересов кредитора целесообразным, разумным и адекватным условиям конкретного дела. Отталкиваясь от данного нами определения «принцип», можно сделать вывод о том, что реальное исполнение не относится к принципам исполнения обязательств.

Следующий принцип исполнения обязательств – **принцип стабильности** договорных отношений, выражающийся в запрете одностороннего отказа должника от исполнения имеющихся обязанностей, а для договорных обязательств также в запрете одно-

стороннего изменения их условий любым из участников (ст. 291 ГК).

Односторонний отказ от исполнения обязательств или одностороннее изменение их условий разрешается лишь в виде исключения, в случаях предусмотренных законодательством или договором.

Все возможные основания для подобного рода действий можно условно разделить на три группы:

– договорные конструкции, в которых право одностороннего отказа от исполнения договора не связано с нарушением его условий одной из сторон;

– договорные конструкции, в которых право одностороннего отказа от исполнения договора связано с нарушением его условий одной из сторон и реализация этого права производится без обращения в суд;

– договорные конструкции, в которых право одностороннего расторжения или изменения договора (как связанное с нарушением договора одной из сторон, так и не связанное) реализуется по решению суда.

К числу принципов исполнения договорных обязательств в литературе зачастую относят и **принцип сотрудничества сторон**. В советский период этот принцип именовался принципом товарищеского сотрудничества и взаимопомощи. В ст. 5.3. Принципов международных коммерческих договоров сказано, что «каждая сторона должна сотрудничать с другой стороной, если такое сотрудничество можно разумно ожидать в связи с исполнением обязательства этой стороной» [12].

Противники признания сотрудничества в качестве принципа договорного права традиционно указывают на то, что в ГК требование сотрудничества сторон прямо закреплено только в договоре строительного подряда: «если при выполнении строительства и связанных с ним работ обнаруживаются препятствия к надлежащему исполнению договора строительного подряда, каждая из сторон обязана принять все зависящие от нее разумные меры по устранению таких препятствий» (ст. 705 ГК).

Однако анализ гражданского законодательства позволяет обнаружить проявление принципа сотрудничества не только на этапе непосредственно исполнения обязательства, но и в период возникновения гражданско-правовых обязательств. Например, в быстром урегулировании возникающих споров, в оказании консультативной помощи, инфор-

мировании о невозможности достижения искомого результата и др.

На наш взгляд, есть достаточные основания для признания сотрудничества в качестве принципа исполнения договорных обязательств. Несмотря на то, что необходимое разумное содействие сторон друг другу при выполнении ими своих договорных обязательств подчинено действию общего принципа гражданского права – принципа добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений, закрепленного в ст. 2 ГК, это не повод, чтобы отвергать принцип сотрудничества сторон как принцип договорного права.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу о том, что в современном гражданском законодательстве можно выделить 3 основных принципа исполнения договорных обязательств: принцип надлежащего исполнения, принцип стабильности договоров, а также принцип сотрудничества сторон.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу о том, что в современном гражданском законодательстве можно выделить 3 основных принципа исполнения договорных обязательств: принцип надлежащего исполнения, принцип стабильности договоров, а также принцип сотрудничества сторон.

Литература

1. Советское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 1 / Т.И. Илларионова, М.Я. Кириллова, О.А. Красавчиков и др.; Под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985.
2. Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск, 1985.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7.12.1998 (в ред. 8.01.2004) // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь, 05.03.1999. № 7–9. Ст. 101.
4. Толстой В.С. Исполнение обязательств. М: Юрид. лит., 1973.
5. Гражданское право: Учеб. В 2 т. / Под общ. ред. проф. В.Ф. Чигира. Мн.: Амалфея, 2000. Т. 1.
6. Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954.
7. Краснов Н.И. Реальное исполнение договорных обязанностей между социалистическими организациями. М.: Госюриздат, 1959.
8. Иоффе О.С. Договор в социалистическом хозяйстве. М., 1964.
9. Гришин Д. Об исполнении обязательств в натуре: поиск оптимальных решений // Хозяйство и право. 2000. №5. С.27.
10. Шершеневич Г.Ф. Учебник гражданского права. М., 1999.
11. Хаснутдинов А.И. Вспомогательные договоры на транспорте. Иркутск, 1994.
12. Принципы международных коммерческих договоров / Пер.с англ. А.С. Комарова. М., 1996.